

аналогичные чувства испытывало немалое число «ходовков», оказывавшихся в кабинете В.И. Шкуро, и им Владимир Ильич никогда не отказывал в общении и помощи.

Повествуя об этом светлом человеке, не могу не сказать о замечательных информативных статьях, вышедших из-под пера Владимира Ильича. Их ценность сегодня тем более очевидна на фоне поверхностной и ни к чему не обязывающей «писанины» (а среди авторов данных опусов встречаются даже доктора наук), единственная цель которой – это простое заполнение страниц и соответственно «засорение» читательского пространства региона набившими оскомину всевозможными банальностями. В этом отношении я могу бесконечно с благодарностью вспоминать Владимира Ильича оставившего значимые для меня публикации о посемейных списках линейных станиц, дворянской корпорации Кубани, офицерах и казаках, награждавшихся по итогам разных военных кампаний Российской империи и прочих сюжетах. К этим работам, непременно фундированным первоисточниками (в отличие от многих краеведческих изысканий, как любительских, так и порой «профессиональных») я и сегодня постоянно обращаюсь. Отрадно отметить, что накопленные за многие годы кропотливой работы архивные материалы Владимира Ильича сегодня воплощает в книги, по мере сил и возможностей, его сын Константин и другие единомышленники (См., например: Страницы казачьей славы: Об участии казаков Таманского отдела Кубанского казачьего войска в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Т. 1 / сост. М.С. Тимченко. – Москва: Издатель Надыршин А.Г., 2018. – 864 с.).

Неоднократно контактируя с Владимиром Ильичом Шкуро, я всегда отмечал его предельную скромность, отсутствие желания выставить на показ свои знания, хотя его по степени владения материалом, с полным основанием можно было бы отнести к настоящим эрудитам, ибо осведомленность опытного архивиста относилась не только к интересующим меня линейным казакам Кубани, но и к прошлому весьма солидного по оставленному документальному наследию Черноморского войска. Искренне жаль, что таких энтузиастов и профессионалов своего дела в условиях затянувшегося построения «дикого» капитализма, порождающих, как правило, всевозможных дельцов от науки, становится все меньше.

И.В. Жуков (г. Новосибирск)
ВСПОМИНАЯ В.И. ШКУРО

Аннотация. Автор вспоминает свои встречи с В.И. Шкуро и о его бескорыстной помощи в генеалогических разысканиях.

Ключевые слова: архивный мир, В.И. Шкуро, история кубанского казачества, офицеры, казаки.

I.V. Zhukov (Novosibirsk)
REMEMBERING V.I. SHKURO

Annotation. The author recalls his meetings with V.I. Shkuro and his disinterested care in genealogical locations.

Keywords: archival world, V.I. Shkuro, history of the Kuban Cossacks, officers, Cossacks.

Мне посчастливилось близко общаться с этим замечательным человеком, который открыл для меня ар-

так и нижних чинов. Воспитал достойного сына, который продолжает его дело. Как говорил персонаж советского фильма: что ещё надо человеку, чтобы встретить старость? До побачення, Владимир Ильич...

О.В. Матвеев (г. Краснодар)

ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА

Аннотация. Эссе посвящено урокам, которые автор вынес для себя, общаясь с выдающимся кубанским архивистом В.И. Шкуро. Скромность и деловитость, щедрость и всеохватность, убедительность и содержательность определяли его жизненный путь и историческое наследие, качества, которые он завещал новому поколению местных исследователей.

Ключевые слова: уроки и наставничество, кубанский архивист В.И. Шкуро, краеведение, кубановедение, историческое наследие, память.

O.V. Matveyev (Krasnodar)

ILYICH'S LESSONS

Annotation. Essay is devoted to the lessons that the author delivered for himself, communicating with the outstanding Kuban archivist V.I. Shkuro. Modesty and businesslikeness, generosity and inclusion, persuasiveness and meaningivity determined his life path and historical heritage, the quality he bequeathed to the new generation of local researchers.

Keywords: lessons and mentoring, Kuban archivist V.I. Shkuro, regional studies, Kubanology, historical heritage, memory.

Формулируя название для этого эссе, подумал сначала, что оно будет звучать несколько кричаще, вызывая ассоциации с наименованием какой-нибудь советской районной газеты или колхоза, с памятью о на-

следии вождя мирового пролетариата. Но сразу же развеял свои сомнения тремя соображениями. Во-первых, для всех нас, кто знал и любил В.И. Шкуро, он всегда был «наш Ильич», без каких-либо ассоциаций и привязок. Во-вторых, то, к чему призывал или, скорее, даже воспитывал, содействовал своим примером, своим подвижническим трудом кубанский архивист, лично для меня теперь – заветы. Думаю, не меньшие, чем дело Ленина для нескольких поколений советских людей, хотя трудно, невозможно эти вещи сопоставлять. В-третьих, в конце-концов, это – мой рассказ, о «моём» Ильиче, поэтому вправе назвать материал как хочу.

Первое, что всплывает в памяти, это большая скромность и какая-то незаметность этого человека. Я познакомился с ним ещё в студенческие годы, причем не в архиве, а на какой-то краевой конференции. Обычно на подобных форумах он был в окружении краеведов – Владимира Александровича Соловьева, Виталия Петровича Бардадыма, Анатолия Дмитриевича Вершигоры, часто – с писателем Виктором Ивановичем Лихоносовым. Последние, особенно В.А. Соловьев, говорили громко, красиво, на их фоне Владимир Ильич как-то тушевался... Но при этой незаметности его имя порой громко и деловито фигурировало в прессе и в разговорах кубанской общественности. Вспоминается два случая, о которых писалось тогда в газетах. В начале 1990-х гг. я жил за Яблоновским мостом в Адыгее и регулярно покупал в местном киоске издававшиеся в республике газеты «Гъуазе» и «Джэртпэджэщ». В одном из номеров, помню, попала заметка, в которой адыгейский автор с возмущением писал, как краснодарский историк Шкуро предложил на конференции к